

Данилов Ю.Д.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В БЕЛОРУССКОМ ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Введение. Статья посвящена проблемам научного исследования политической идентификации гражданского общества в Беларуси. Рассматриваются теоретические и методологические аспекты анализа политической идентификации, характер и ее особенности в гражданском обществе Беларуси, их проявление в современной социально-политической ситуации.

Социально-групповая идентификация представляет собой процесс самоотождествления человека с группой, коллективом, локальной общностью, обеспечивающий взаимную связь входящих в нее индивидов. Определение политической идентичности, так или иначе, фиксирует, чем одна социальная группа, артикулирующая определенные политические идеи, отличается от другой. Каждый же человек обладает многими видами идентичности, которые, как правило, формируются независимо от сознания человека, посредством его отнесения к тем или иным группам. Политическая идентичность - важная характеристика не только отдельного человека, но и всей социальной общности как части нации, народа в целом. Она обеспечивает определенный доступ к социальным сетям, помогает накоплению и использованию опыта политического поведения и участия, помогает преодолеть кризисные состояния в обществе, а, следовательно, является важным фактором, непосредственно воздействующим на социальное развитие страны и ее будущее.

Актуальность исследования политической идентичности белорусского народа определяется важностью этого процесса как для теоретического осмысления нынешнего периода развития нашей страны, так и для оценки тенденций и направленности происходящих в ней изменений. Значимость подобного исследования состоит в возможности определить, какие типы идентичности господствуют сейчас, каковы перспективы их развития и влияния на поведенческие отношения граждан Беларуси, а также показать, каким образом изменение представлений о собственной идентичности может повлиять на политические, экономические и социально-культурные процессы в стране. Методологически решение проблемы осложняется тем, что до сих пор ни одна из концепций нации не имеет в белорусском обществе абсолютного научного признания, до сегодняшнего дня ещё не создана последовательная научная концепция ее формирования и не существует общепринятых «истин» в интерпретациях собственно белорусской нации и этноса [1].

Тем более сложным представляется процесс политической идентификации, генетически впитавший в себя особый исторический опыт и не имеющую четких идентификационных оснований политическую культуру. Тут следует помнить утверждение О'Лири о том, что формы групповой солидарности, основанные только на этнокультурной идентичности, но не содержащие отчётливо выраженных политических целей (создание собственного государства, политическая идентификация и т.д.), не могут претендовать на роль базовых и достаточных для формирования гражданского общества и его идентификационных оснований [2].

Для анализа современных тенденций изменения политической идентичности Беларуси в качестве теоретико-методологической основы можно опереться на концепции, отражающие процессы социальной трансформации: теорию социокультурной травмы Петра Штомпки [3], объясняющую дестабилизирующее социально-психологическое воздействие на постсоветское население перемен 1989-1991 гг., теорию посткоммунистической трансформации бывших социалистических стран [4], которая объясняет постсоветские социально-политические изменения в рамках глобальных проблем

мирового развития, теории изменения ценностей [5], соединяющие глобальные и национальные изменения ценностей и дающие им междисциплинарное объяснение, исследования Титаренко Л.Г., раскрывающие особенности социокультурных сдвигов в современном белорусском обществе [6, 7].

Теория культурной травмы как социологическая проблема возникла на рубеже тысячелетий. Но если индивидуальная травма уже более ста лет является предметом исследования психологов, психiatров и психоаналитиков, то понятие же коллективной травмы находится пока в стадии разработки. При ее описании, как отклонения в коллективном сознании объектом исследования является не личностная поведенческая социальная аномия (как у Э. Дюркгейма) или межгрупповые поведенческие противоречия (как у Р. Дарендорфа и др.), а, пользуясь выражением П. Штомпки, «раны в самой культурной ткани» [3, 458]. В теории культурной травмы П. Штомпки находит отражение уязвимость коллективных идентичностей, их саморефлексия и сохранение в механизмах коллективной памяти. Формирование теории культурной травмы началось с анализа нарушений национальной идентичности. А. Нейл представил анализ ряда кризисов ценностного мира американцев: Великая депрессия, Вьетнам и Корея, убийство президента Дж. Кеннеди и негритянского лидера М. Л. Кинга и др. А. Нейл видит в «культурной травме» событие истории, которое упорядочивает и реконструирует коллективную память и возникающую вокруг всего этого познавательно-коммуникативную атмосферу. У него «культурная травма» - экстраординарное событие, вносящее сумятицу в повседневность, осознающее чего в форме опыта помогает социуму избежать в будущем аналогичных ошибок. В то же время, «национальная травма» вызывает в массовом сознании картину жизни в опасном мире, который безразличен к личным потребностям и интересу [8]. В русле этой идеи Дж. Александер показал геноцид евреев как превращение факта истории войны в рефлексивный процесс культурно-травматического характера под названием холокост [9]. П. Штомпка проанализировал ценностные коллизии народов Восточной Европы в результате постсоциалистического шока [3,4]. Он истолковывает культурную травму как столкновение исконных ценностей социума с «чужим», чуждым, враждебным, и считает существенным то, что люди говорят между собой о травмирующих событиях и вместе пытаются что-то предпринять. Л.Г. Титаренко в качестве одной из задач исследования «Политические ориентации граждан Беларуси и России: сравнительный анализ» ставит вопрос: «Действительно ли нашему населению присуща смесь марксистской, консервативной и либеральной идеологий?». Здесь же, базируясь на анализе значительного социологического материала, формулируется и ответ: «... очевидно, что традиционная западная трактовка демократии, ...далеко не единственная, имеющая место в нынешнем массовом сознании белорусов» [7, 36], соглашаясь тем самым с точкой зрения о формировании на остаточном советском идентификационном базисе новых ценностных ориентаций белорусов.

Этот теоретический базис позволяет объективно рассматривать фундаментальные задачи осмысления социальной трансформации и белорусского общества в понятиях социокультурной и политической идентичности, обосновать направления в формировании новой идентичности белорусского населения, соответствующие современной концепции белорусской государственности.

В основе любой социокультурной идентичности населения лежат доминирующие в тот или иной период времени ценности миро-

Данилов Юрий Дмитриевич, доцент кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

воззренческого характера. Но для характеристики происходящих изменений в политической идентичности и изучения ее влияния на политическое поведение белорусов, уместным будет проанализировать не только базисную систему ценностей, а также выявить различные факторы, воздействующие на ее трансформацию.

Как указывалось, сегодня многие специалисты связывают особенности проявления политической идентичности белорусов с сильным влиянием остаточной советской ментальности. Поскольку на этапе постсоветской трансформации произошел естественный распад прежней системы ценностей, очевидно, что он напрямую повлиял и на перемены в социокультурной, и, прежде всего, – политической идентичности людей, и особенно тех социальных групп, чья социализация проходила уже в постсоветских условиях. Относительная стабильность идентификаций в период таких кризисов наблюдается лишь в одном «звене» – в кругу близких людей (семья, друзья, коллеги), поэтому и сейчас немало людей до сих пор переживающих травму распада СССР. Период 1991-1994 гг. отмечен наибольшим кризисом идентичности: все параметры гражданской идентификации теряли силу вследствие отчуждения от государственных институтов и недоверия к властным структурам. В этом кризисе политической идентичности можно выделить четыре ситуации:

- а) на смену разрушенным моделям идентификации не приходят новые (т.к. еще отсутствуют «идеальные» модели для подражания);
- б) индивид в ходе политической ресоциализации останавливается на негативной стадии идентификации;
- в) происходит рассогласование идеологического, группового и персонифицированного уровней идентификаций;
- г) в результате ресоциализации происходит неадекватное сочетание старых и новых идентичностей, взаимоисключающих ценностных установок, о чем свидетельствуют, в частности, научные выводы Л.Г. Титаренко.

С начала XXI века белорусские граждане понемногу стали адаптироваться к реальному состоянию общества и к условиям повседневной жизни, идентификационные «брожения» стали спадать. Но, вместе с тем, за 20 лет независимости назрела потребность в выявлении доминирующих типов политической идентичности в современной Беларуси, их отличий от типов, имевших место в предшествующий (советский) период развития, а также факторов, их определяющих. Господствующая в качестве отправной точки исследований гипотеза, состоящая в том, что ключевым фактором в постсоветской трансформации политической идентичности в Беларуси, определяющим ее типы, современное состояние и перспективы на ближайшее будущее, является уникальное советское социальное и культурно-политическое наследие, сегодня нуждается в существенном дополнении. Связано это прежде всего с необходимостью учета динамично протекающих процессов политической жизни как внутри страны, так и на международном уровне. Здесь следует учитывать и тот фактор, что у белорусов имеются существенные различия по сравнению с трансформацией социокультурной и политической идентичности украинцев и россиян. Вопрос в том, насколько велика жизнеспособность нынешних типов политической идентичности населения Беларуси, с учетом тех политических реалий, которые складываются сегодня на политическом поле и определяют политическое мышление.

Анализ показывает, что в современной Беларуси нарушения единой идентичности происходят по следующим основаниям:

- а) принадлежность к различным социальным группам;
- б) идейно-политическое (геополитический выбор и культурно-ценностные ориентации) расслоение;
- в) межпоколенческие разрывы;
- г) региональные различия.

Методологически необходимым представляется исследование «политической географии», выяснение идентификационных предпочтений и факторов, господствующих в том или ином регионе страны. Главный вывод сравнительного анализа состоит в том, что, хотя единого «электорального материка» в белорусской политической географии не существует, различия в идентификационных предпочтениях по регионам не оказывают сколько-нибудь существенного влияния на положение в стране в целом. А это, в свою очередь,

позволяет сделать вывод, что основные действующие факторы концентрируются в других областях, прежде всего в определенных социальных группах.

Любая политическая идентичность имеет идеологический фон. Значимые идеологические противостояния в культурно-политическом пространстве могут приводить к значимым социальным последствиям и идентификационным трансформациям. В Беларуси пик идеологического кризиса середины 1990-х гг. прошел, тогда остро ощущались контрасты между социалистическими установками, либерально-демократическими и национально-демократическими идеями. Сейчас значимость идеологического противостояния сместилась в область выбора путей стратегического развития страны, моральных и ценностных установок. Здесь важен и субъективный аспект, проявляющийся себя закреплением определенных идей на конкретных людях. Идеи не всегда воздействуют на массы непосредственно, чаще они отождествляются с определенным политическим лидером. Чем более известные люди будут становиться в публичном противостоянии, тем сильнее воздействие такой «идеологической схватки» на общественное сознание. В Беларуси, как показывают новейшие соцопросы, нет политической фигуры, равной по своему весу Президенту Республики Беларусь А.Г. Лукашенко. Критика оппозицией внутреннего и внешнего курса руководства страны на протяжении ряда лет только несколько оживляла коммуникативную активность в некоторых СМИ, Интернета, но не привела к сколько-нибудь серьезному сдвигу политических предпочтений, выдвижению ярких политических лидеров, выработке вразумительной стратегии развития страны.

Существенными по своей роли в идентификационном процессе выступают и иные параметры политического мышления различных социальных групп населения Беларуси. Так, по социально-демографическим характеристикам значимые различия существуют по полу, возрасту, образованию, социальному положению, типу поселения, по языку повседневного общения. Но наибольшим фактором дифференциации белорусского электората выступают социально-экономические характеристики населения, которые, безусловно, и определяют различия по общественно-политическим характеристикам. В самом общем виде можно выделить две группы. Представители первой группы относятся к нынешней власти вполне лояльно и потому поддерживают статус-кво, а второй – критически и хотят перемен. В сфере внешней политики первая группа ориентируется скорее на Россию, а вторая – на Евросоюз. Учитывая то, что в этих больших, пестрых по социальному составу, группах есть люди с разными характеристиками, поэтому здесь точнее говорить только о «доминирующих» на данный момент, а не о «чистых» идентификационных типах.

А вот текущая политическая жизнь общества при этом не всегда выступает адекватным индикатором идентификационных предпочтений. Политическая активность граждан всегда подвергается «сезонным» колебаниям. Как правило – это циклы электоральной активности, привязанные к тем или иным избирательным кампаниям местного или национального масштаба. Поэтому для использования фактора политической активности как идентификационного критерия необходима предельно точная оценка ее природы, мотивов, социальной базы и глубины идейного фундамента. Здесь, как правило, для оценки политического участия прибегают к анализу данных по явке избирателей на избирательные участки. Однако этот критерий в странах с преобладанием подданнического типа политической культуры не является достаточно точным. Особенность белорусской ситуации в том, что при высокой явке на выборы (до 80 %) граждане, в общем-то, низко оценивают степень своего влияния на исход выборов, равно как и значимость самих выборов и иных процедур для решения общественных проблем. [7, 46]. В этом случае высокая явка избирателей является скорее традиционным поведением масс. Но с другой стороны, результаты выборов, мнения, суждения, их достоверность и устойчивость свидетельствуют о наличии достаточно стабильного отношения населения к тому или иному политическому явлению или процессу.

Некоторые политические события (а таковых в Беларуси за последнее время было несколько) потенциально могли бы вызвать всплеск активности и стать мотивом серьезного идентификационно-

го сдвига, но только в том случае, если бы имели достаточные ресурсы для этого, и, прежде всего, мощную социальную базу и высокое доверие электората. Например, приближающиеся выборы Президента Республики Беларусь и политико-экономические коллизии белорусско-российских отношений.

Грядущие президентские выборы в Беларуси – событие, которое сегодня наиболее привлекает внимание политизированной публики и зарубежных экспертов к рейтингам потенциальных кандидатов. Июньский (2010 г.) опрос общественного мнения показал, что электоральный рейтинг А.Г. Лукашенко по-прежнему стабилен, а на фоне противоречивых отношений с Москвой даже вырос с 42,7 % до 45,6 %. Атмосфера приближающихся президентских выборов сказывается и в том, что рейтинги его оппонентов также подросли: А. Милинкевича с 4,7 % до 5,4 %, А. Козулина с 2,7 % до 4,4 %, но это, скорее, не результат роста их политического веса, а симптом, упоминавшейся «сезонности» в политическом участии, не способный существенно изменить картину электоральных, и, тем более, идентификационных предпочтений.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Если бы завтра состоялись выборы президента Беларуси, за кого бы Вы проголосовали?» [10]

Вариант ответа	%
А. Лукашенко	45,6
А. Милинкевич	5,4
А. Козулин	4,4

Приведенные данные говорят, что здесь нет особой необходимости проводить подробный сравнительный анализ электоратов этих персоналий, а вот вспомнить динамику рейтинга А.Г. Лукашенко вполне уместно. На протяжении более чем десятилетия эта картина выглядит следующим образом:

Как было отмечено выше, основные действующие идентификационные факторы концентрируются в определенных социальных группах белорусского общества. Наиболее показательным представляется такой, как желание или нежелание кардинальных изменений во внутренней и внешней политике. По данным последних опросов, почти трое из каждых четырех белорусов пока не видят в обещающей альтернативными кандидатами «новой жизни» реальных улучшений, не видят убедительного проекта «другой Беларуси» и ясных способов его реализации, который мог бы соперничать с проектом независимого белорусского государства, реально ассоциируемого большинством населения с президентством А.Г. Лукашенко.

Таблица 3. Динамика ответов на вопрос: «Хотели ли бы Вы, чтобы в Беларуси произошли перемены?», % [12]

Вариант ответа	06	09	03	06
	2006	2008	2009	2010
Да	38,9	52,2	46,6	46,8
Нет	29,4	15,6	19,4	24,0
Мне это безразлично	16,6	14,7	18,5	17,3
ЗО/НО	15,1	17,5	15,5	11,9

Таким образом, в очередной раз подтверждается тенденция на укрепление социальной стабильности в Беларуси, хотя важно отметить для методологии исследований, что социальные индексы впервые за последние годы не зафиксировали однозначной тенденции в динамике общественных настроений. Увеличение числа переменных

Таблица 2. Динамика индикатора электорального отношения белорусов к А.Г. Лукашенко, как потенциальному кандидату на пост Президента страны, % [11]

Показатели отношения	Рейтинг (как потенциального кандидата на пост Президента)										
	11 1997	09 1998	06 1999	08 2000	08 2001	04 2002	09 2003	11 2004	06 2006	06 2008	06 2010
Проголосовали бы за А. Лукашенко на новых президентских выборах	44,3	52,2	45,0	33,8	44,4	30,9	31,7	47,7	54,7	38,9	45,6

делает все более затруднительным построение точного прогноза того или иного процесса.

События в соседних странах, как-то связанные с нашей страной, также влияют на внутрисполитическую ситуацию в Беларуси. Но тут рост политической активности объясняется периодичностью появления самих этих влияющих факторов и их значимости, новизны, раскрутки в СМИ и другими факторами, не носящими устойчивого характера.

На состояние идентификационного процесса влияют и искусственные факторы – это те факторы, которые политические агенты потенциально способны сами эффективно контролировать и изменять [13]. Рассматривая белорусскую реальность, можно однозначно говорить о тенденции падения рейтинга этих событий. На протяжении ряда последних лет массовость, популярность, да и оценка в массовом сознании белорусов периодических кампаний (День Воли, Чернобыльский шлях, День Независимости (27 июля), Деда и т.п.) неуклонно снижалась. Таким образом, искусственные факторы все в меньшей степени определяют уровень политической активности белорусов, а, следовательно, и не оказывают сколько-нибудь существенного влияния на характер формирования устойчивых идентификационных типов. Происходит это прежде всего в силу падения авторитета организаторов этих акций и сужения социальной базы участников.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сакалова, М. Пра разуменне паняццяў «нацыя» і «этнас» у сучаснай айчынай гісторыяграфіі / М. Сакалова // Гістарычны альманах. 2002. – Т. 6. – С. 167.
2. Тевдой-Бурмули, А.И. Старые теории и новые проблемы / А.И. Тевдой-Бурмули // Политическая наука. 2002. – № 4. – С. 113.
3. Штомпка, П. Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социологические исследования. – 2001. – № 2.
4. Штомпка, П. Миссия социологии в посткоммунистических обществах / П. Штомпка // Посев. – 2006. – № 6.
5. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М., 1996.
6. Титаренко, Л.Г. Национальная идентичность и социокультурные ценности населения Е 23 01 05 «Социология» / Л.Г. Титаренко авт. ред. – Мн.: БГУ, 2003.
7. Титаренко Л.Г. Политические ориентации граждан Беларуси и России: сравнительный анализ 1/ Методология, теория и практика социологического анализа современного общества. Харьков, 2002.
8. Кимелев Ю.А. /Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. [Электронный ресурс]– 2010. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/defaultx.asp> – Дата доступа: 9.09.20010.
9. Александер, Дж. С. После неофункционализма: Деятельность, культура и гражданское общество / Пер. с англ. Т.В. Дорофеевой // Социология на пороге XXI века. – М.: Интеллект, 1998. – С. 231–249.
10. Политическая география Беларуси. Социологические опросы НИСЭПИ. [Электронный ресурс]– 2010. – Режим доступа: <http://www.iisepts.org/press.html> – Дата доступа: 10.09.20010.
11. Там же.
12. Социологический портрет белорусов. Социологические опросы НИСЭПИ. [Электронный ресурс]– 2010. – Режим доступа: <http://www.iisepts.org/press.html> – Дата доступа: 10.09.20010.
13. Малинкин, А.Н. «Новая российская идентичность»: исследование по социологии знания / А.Н. Малинкин // Социологический журнал. – 2001. – № 4.

Материал поступил в редакцию 22.10.10

DANILOV Yu.D. Methodological framework for the analysis of identification processes in the Belarusian civil society

The article deals with the problems of scientific research of the phenomenon of political identification of civil society in Belarus. The theoretical and methodological aspects of the analysis of political identity, the nature and characteristics of civil society in Belarus, their manifestation in the contemporary socio-political situation.

УДК 316.2

Глинская Урсула

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ СОЦИОЛОГИИ

Введение. Ключевая категория этой статьи – социальный капитал является по существу строго экономическим фактором, однако социально-экономический рост в конце 1980-х – начала 1990-х и сопровождавшие его изменения в социальной сфере вызвали рост научного интереса к надэкономическим факторам общественного развития. Ученые обратили внимание на тот факт, что параметры, которые отличают высокоразвитые страны от менее развитых, зависят не только от капитала, но и от культурных различий между нациями и локальными сообществами [10, 11].

Несмотря на то, что социальный капитал обычно связывают с экономическим ростом и рассматривают его как фактор процветания и качества человеческой жизни, автор статьи стремится рассмотреть данную категорию в контексте политической сферы человеческой деятельности. Поэтому он определяет местонахождение социального капитала через призму тех научных теорий, которые сосредоточены на политической культуре.

Согласно концепции политической культуры, глубоко проанализированной и представленной Алмондом и Вербой, весьма конструктивной является идея обращения к «определенной ориентации – отношению к политической системе и ее различным частям, и отношению к собственной ее роли в системе» [2, 13]. И именно в этом контексте термин социального капитала интерпретируется в данной статье как ориентация на сообщество в целом, его общественную (политическую) деятельность и осознанию самого по себе в этом процессе.

Термин «социальный капитал» по содержанию обычно сближается с понятиями «человеческий капитал» и «культурный капитал» (который будет упоминаться в дальнейшей части этой работы). Тем не менее, при определении этих явлений необходимо их четко отделять: понятие «человеческий капитал» обычно характеризует индивидуальные достижения человека в его стремлении расширить и усилить индивидуальный потенциал. В научных работах его обычно и связывают со стремлениями, индивидуальными успехами, достижением образовательного уровня и т.д. С другой стороны, понятие «культурный капитал» обращается к коллективной природе социальных действий, обычно символических, традиционных, и интерпретируется в терминах коллективного (культурного) наследия нации или сообщества. «Сохранение» культурного капитала позволяет обществу поддерживать его культурное наследие, отражает сферы и источники общих идентификаций, намечает следы будущих общих ориентаций.

Явление социального капитала находится на стыке объективных и субъективных социальных потоков, поэтому оно направлено на те действия, которые обращаются к общей, коллективной практике и определены социальной структурой, и в то же самое время глубоко погружено в духовный мир человека.

Социальный капитал в научных работах. Социальный капитал – термин и феномен относительно нов и очень многомерен, находится в процессе своей разработки, и поэтому вызывает трудности в создании одного законченного определения. Статья представляет основные научные концепции и попытки осмысления и определения термина, который, казалось, имел самое сильное влияние на исследования в области социального капитала. Логика статьи не представляет хронологический или довольно связанный с содержанием образец научной рефлексии.

Функциональный подход к структуре социального капитала Джеймса С. Колемана. Принято считать, что Джеймс С. Колеман

первым использовал термин «социальный капитал». Однако ещё в 1904 г. Генри Джеймс описал героиню «Золотого Шара», используя это понятие, принимая во внимание ее социальное положение и социальные отношения.

Однако первым, кто дал определение термина «социальный капитал» в его функциональном подходе, был Джеймс С. Колеман. Анализируя разнообразие образовательных достижений человека, Колеман исследовал, в какой степени оно является результатом индивидуальной потенции, а в какой испытывает влияние социальной окружающей среды и особенно двух из её сфер: школы и семьи. Их влияние составляет смысл социального капитала. Колеман определил социальный капитал как способность сотрудничества в группах и организациях, чтобы реализовать общие интересы. Он указал три элемента социального капитала: 1) доверие, 2) нормы, 3) связи, которые играют важную роль в социально-экономическом росте.

Ключевое явление: социальный капитал был замечен как «естественное обращение за помощью», имеющее место в междусемейных отношениях и в правилах сообщества, используемых для социального и познавательного развития: «Социальный капитал определен его функцией, это ни одно юридическое лицо, но множество различных юридических лиц, имеющих общие особенности: они все состоят из небольшого количества аспектов социальной структуры, и они облегчают определенные действия людей, которые реализуются в пределах структуры» [7, с. 302].

Социальный капитал не был одним элементом, определяющим характеристику или особенность определенного аспекта общества, но он интерпретировался как комплекс элементов, которые функционируют через социальную структуру и влияют на индивидуальное и коллективное процветание. Именно каждый элемент общественной организации может стимулировать производительные ресурсы с социо-структурной природой для одного или более предметов [6]. Поэтому, согласно подходу Колемана, социальный капитал не универсальное явление, его воздействие зависит от существенных факторов, показанных в социальном действии: 1) условий общественных действий и природы детерминантов успеха в определенном социальном контексте; 2) диапазона вызовов сообщества или отдельных людей.

Хотя подход Колемана к социальному капиталу видится главным образом в социально-экономическом росте людей [3], его концепция учитывает также влияние общества. Колеман понимал человека как индивидуума, вовлеченного в социальные отношения – социальную структуру (семья, социальное происхождение), которые играют важную роль в будущем развитии и создании индивидуального процветания. И сила (потенциал) социальной структуры во влиянии на будущее человека является фактически ядром социального капитала.

В результате размер социального капитала зависит от плотности и характера социальных связей, уровня социального доверия, которое позволяет эффективно реализовать взаимные обязательства, социальные нормы и санкции, которые регулируют (облегчают или ограничивают) любые действия для индивидуального процветания.

Подход к доверию Фрэнсиса Фукуямы и его польское продолжение: социология доверия П. Штомпки. Фрэнсис Фукуяма был первым, кто популяризировал термин доверия в социологии и благодаря которому он стал известным. Фукуяма определил социальный капитал как набор неофициальных ценностей и этических норм, разделяемых членами определенной группы, которая делает возможным их эффек-

Глинская Урсула, магистр, преподаватель Политехнику Белостокской (Польша).